

18+

СОДЕРЖИТ
СЦЕНЫ
НАСИЛИЯ

В ПЛЕНУ
ЭТО
ЛЮБВИ

МЕЛИСА КУЛАУКДЖУ

18+

Мелиса Куллукджу
В плену его любви

«Автор»

2026

Куллукджу М.

В плену его любви / М. Куллукджу — «Автор», 2026

Валя - молодая библиотекарь - встречает обаятельного Виктора: он очаровывает её подарками, речами и вниманием. Девушка верит, что нашла настоящую любовь, и соглашается провести выходные в его загородном доме. Но вместо счастья её ждёт кошмар: Валя просыпается в тёмном подвале. Виктор раскрывает свою истинную сущность - он серийный убийца. Он убеждён: боль и подчинение - часть «истинной любви», а страдания сближают людей. Мучитель чередует жестокость с заботой, методично ломая волю Валерии. В борьбе за выживание девушка то сопротивляется, то начинает оправдывать действия Виктора - и постепенно видит в нём не монстра, а единственного человека в мире. Сможет ли она вырваться на свободу - или навсегда останется в плену его искажённой любви? Напряжённый психологический триллер о разрушении личности и опасной силе одержимости. Возрастное ограничение: 18+. Содержит сцены психологического и физического насилия.

© Куллукджу М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Книжная пыль	5
Глава 2. Рай	8
Глава 3. Зеркала и тени	10
Глава 4. Ночь	13
Глава 5. Правила игры	14
Глава 6. Инвентаризация души	16
Глава 7. Двойник	18
Глава 8. Оттепель	20
Глава 9. Трещина	22
Глава 10. Стихи для хищника	24
Глава 11. Архив	27
Глава 12. Перерождение	30
Глава 13. Доверие	31
Глава 14. Разговоры по душам	32
Глава 15. Инструменты влияния	33
Глава 16. Телефон	34
Глава 17. Вторая попытка	35
Глава 18. Неделя ожидания	36
Гла	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Мелиса Куллукджу

В плену его любви

Глава 1. Книжная пыль

Сентябрь в библиотеке пах особенно остро — старой бумагой, тлением кожаных переплетов и мокрой листвой, которую посетители приносили на ботинках. Этот запах въелся в стены, в шторы цвета запекшейся крови и, кажется, даже в душу Валентины.

Она сидела за массивной кафедрой, больше похожей на барную стойку из фильма ужасов, и подклеивала рассыпающийся том то ли Шиллера, то ли Гёте — готический шрифт не желал складываться в слова перед ее уставшими глазами. За окном моросил дождь, размывая очертания старого парка, и мир казался выцветшей акварелью.

Валя слышала, как за ее спиной шушукаются коллеги. Зинаида Петровна, дама возраста ископаемых перьевых ручек, опять говорила кому-то из практиканток:

— ...синие чулки. В наше время в двадцать три года уже дети в школу шли, а эта сохнет по своим книжкам. И ведь симпатичная мордашка, а одевается, как монашка.

Валя плотнее запахнула серый кардиган, хотя в читальном зале было душно. Она не одевалась «как монашка». Она просто одевалась так, чтобы исчезнуть. Слиться с пыльными стеллажами, стать частью интерьера. Серое на сером, бежевое на бежевом. Спасительный камуфляж для той, кто с детства знала: высовываться — больно.

В телефоне мигнул потухший экран. Пусто. Социальные сети молчали, мессенджеры тоже. Мама писала раз в неделю, спрашивая, не нашла ли она себе «нормального мужчину», а единственная подруга детства Лерка уже месяц сидела в Таиланде и постила фотографии смузи и пальм.

Валя вздохнула и перевернула страницу. В этот момент звякнул старинный колокольчик над входной дверью.

Она не сразу подняла голову — привычка прятаться была сильнее любопытства. Но звук шагов заставил ее насторожиться. Шаги были мужскими, тяжелыми, но в то же время сдержанными, словно их обладатель точно знал, куда идет. Такие шаги не шаркают, не цокают дешевой подошвой, не шлепают по линолеуму. Они звучат ровно, уверенно и как-то... страшно спокойно.

— Добрый день, — голос был низким, с легкой хрипотцой, какой бывает у заядлых курильщиков или у людей, которые много молчат.

Валя подняла глаза и тут же почувствовала, как книжная пыль забивается в горло, мешая дышать.

Мужчина, стоявший перед кафедрой, был до нелепого красив. Не смазливой красотой глянцевого журнала, а хищной, резкой, как лезвие. Лет тридцать пять. Темные волосы, чуть

тронутые сединой на висках, зачесаны назад, открывая высокий лоб. Широкие плечи обтягивал безупречно скроенный черный плащ, с которого стекали дождевые капли. В руках он держал перчатки — тонкую черную кожу, которую нервно перебирал длинными пальцами.

Но главными были глаза. Цвета темного янтаря, почти черные в глубине, они смотрели с таким вниманием, будто видели не просто библиотекаря, а всю ее подноготную: страхи, одиночество, вчерашний плач в подушку и несъеденный бутерброд на завтрак.

— Здравствуйте, — выдохнула Валя и тут же возненавидела себя за это жалкое заикание. — Вы что-то хотели?

Мужчина чуть улыбнулся. Его улыбка была асимметричной, но оттого еще более притягательной. Он положил перчатки на стойку и слегка наклонился вперед. От него пахло дорогим табаком, дождем и чем-то пряным, древесным. Этот запах мгновенно перебил привычную библиотечную затхлость.

— Я ищу редкое издание, — сказал он. — «Мученичество любви». Тираж 1893 года. Знаю, что у вас в архиве есть уцелевший экземпляр. Мне сказали, вы — лучший знаток фондов.

Он знал ее имя. Не просто «девушка», а «Валентина».

Внутри что-то неприятно дернулось, но этот сигнал тут же утонул в теплой волне неожиданной радости. Кто-то ее заметил. Кто-то спросил лично ее.

— Я могу посмотреть по каталогу, — она потянулась к старому компьютеру, который загудел, как рассерженный шмель. — Но редкий фонд требует специального разрешения... Это долгая процедура.

— Я готов ждать сколько угодно, — ответил мужчина. Его взгляд скользнул по ее запястью, на котором синел старый синяк (Валя сама не помнила, откуда он — обычная бытовая неуклюжесть). — У вас очень нежная кожа. Наверное, легко остаются следы.

Валя одернула рукав, чувствуя, как запылала щеки. Это прозвучало странно. Интимно. Неподобающе для первой встречи. Но вместо того, чтобы испугаться, она вдруг представила, как эти длинные пальцы, перебирившие перчатки, касаются ее руки.

— Я принесу формуляр, — резко сказала она, вставая. Нужно было разорвать это наваждение, уйти за стеллажи, перевести дух. — Подождите, пожалуйста.

— Я подожду, — повторил он.

Она шла между рядами, где пахло вековой плесенью, и сердце колотилось где-то в горле. «Он просто читатель, — уговаривала она себя. — Просто вежливый читатель».

Когда она вернулась, он стоял в том же положении, заложив руки за спину и рассматривая старинные часы на стене.

— Меня зовут Виктор, — сказал он, беря из ее рук формуляр. Их пальцы на секунду соприкоснулись, и Валя почувствовала ледяной холод его кожи. — Виктор Романович. А вас я уже знаю. Валентина. Чудное имя. Означает «сильная».

Он не сводил с нее глаз, заполняя анкету. Почерк у него был идеальный, каллиграфический, каждая буква выведена с математической точностью.

— Приходите завтра, — Валя старалась говорить сухо, по-деловому. — Я подготовлю книгу.

— Завтра? — он словно пробовал это слово на вкус. — Завтра — это очень долго.

Валя впервые за долгое время улыбнулась, сама того не заметив.

— Вы же сказали, что готовы ждать сколько угодно.

Виктор задержал на ней взгляд чуть дольше, чем позволяли приличия. В его зрачках мелькнуло что-то похожее на удовлетворение хищника, загнавшего дичь в угол.

— Поймали, — признал он, отдавая формуляр. — До встречи завтра, Валентина.

Он ушел так же, как и появился: бесшумно, растворяясь в сером сумраке холла. Колокольчик тренькнул, и в библиотеке снова стало тихо.

Валя опустилась на стул и только сейчас заметила, что у нее дрожат колени. На стойке лежали забытые черные перчатки. Она прикоснулась к ним. Кожа была мягкой и дорогой. Не думая, что делает, она быстро спрятала их в ящик стола, чтобы он не вернулся за ними сейчас. Так у нее была бы гарантия, что он придет завтра.

Домой она возвращалась как во сне. Старая «хрущевка» встретила ее запахом жареной картошки из соседской квартиры и гулом лифта. Валя скинула промокшие ботинки, покормила тощую полосатую кошку и зажгла свечу — электрический свет казался слишком резким.

Образ нового знакомого не выходил из головы. Он был похож на героя романов, которые она читала по ночам. Немного дьявол, немного спаситель. Конечно, он не посмотрит на такую, как она. Конечно, это просто мимолетный эпизод.

Она ошиблась.

На следующий день он пришел ровно в десять утра, с букетом не бордовых роз, а скромных полевых ромашек — словно знал, что пафос ее спугнет. Он извинился за свою вчерашнюю бестактность, сославшись на усталость после тяжелой работы. И сказал, что забыл перчатки, но неловко рад этому, потому что пришлось вернуться.

Так начался медовый месяц.

Глава 2. Рай

Следующие двадцать дней превратились для Вали в калейдоскоп. Виктор забирал ее после каждой смены. Он не лез целоваться, не форсировал события, и это подкупало больше всего. Он «просто хотел видеть ее».

Он возил ее на пафосные вернисажи, где все знали его имя, и Валя, цепенея от ужаса, сидела в углу, пока он обсуждал контракты с какими-то важными людьми. Он дарил ей книги. Не новые, а редкие, с пометками карандашом на полях, словно он разговаривал с авторами.

Однажды, когда у Вали разболелся зуб, он сам нашел врача, приехал за ней ночью, отвез в круглосуточную клинику и держал за руку, пока сверлили нерв.

— Зачем ты со мной возишься? — спросила она его тогда, глядя в зеркало заднего вида такси. С распухшей щекой, без косметики, в старой кофте. — Посмотри на меня. Я серая. Я никто.

Виктор взял ее за подбородок, разворачивая к себе. В свете уличных фонарей его глаза казались совсем черными.

— Именно это мне и нравится, — тихо сказал он. — Ты чистый лист. Ты еще не испорчена грязью этого мира. Ты словно ждешь, когда кто-то возьмет перо и начнет писать твою историю. Я хочу написать твою историю.

Это было лучшее объяснение в любви, которое Валя слышала в жизни. Она расплакалась от благодарности. Ей казалось, что она наконец нашла защиту. Нашла того самого, единственного.

Она не заметила, как перестала созваниваться с практикантками. Как удалила соцсети по его совету: «Зачем тебе этот мусор? Там только зависть и глупость». Не заметила, как начала одеваться в те вещи, которые выбирал он: сдержанные, благородных тонов, но непременно с длинным рукавом. «Твоя красота только для меня», — шептал он, и ей это льстило.

Только один раз, за день до той самой поездки, случился тревожный эпизод.

Они стояли в пробке на Садовом. Валя что-то весело рассказывала про читателя-чудака, который требовал у нее «Камасутру» на санскрите. Виктор слушал молча, а потом резко ударил ладонью по рулю. Сигнал взревел, разрезая гул улицы.

— Тебе нравится этот мудак? — спросил он ледяным голосом, глядя прямо перед собой.

— Что? — Валя поперхнулась смехом. — Кто?

— Этот, в библиотеке. Ты покраснела, когда говорила о нем.

— Витя, ему лет семьдесят!

Но Виктор уже не слушал. Он смотрел на нее с такой смесью ярости и боли, что у Вали скрутило живот.

— Если я еще раз услышу, что кто-то пытается вторгнуться в наше пространство, — он говорил шепотом, но каждое слово било наотмашь, — я буду наказывать. Запомни: ты — моя.

Он не разговаривал с ней весь оставшийся вечер. Валя полночи проплакала в подушку, виня себя за глупую болтовню. Она сама во всем виновата. Он просто очень тонко чувствует. Он такой ранимый, а она ранила его глупой историей.

Наутро ей принесли курьера. В коробке лежало потрепанное шелковое платье и короткая записка: «Прости меня. Ты сводишь меня с ума. Я люблю тебя сильнее, чем нужно. Поедем в пятницу за город. Отдохнем от всех. Побудем вдвоем».

Валя прижала записку к губам и закружилась по комнате. Он любит! Он ревнует! Значит, это серьезно.

В пятницу утром она стояла перед зеркалом в прихожей и не узнавала себя. Светлые волосы уложены в низкий пучок, бежевое пальто, купленное Виктором. Выглядит дорого, солидно, как жена архитектора.

— Ты самая красивая, — прошептала она своему отражению. — Он везет тебя знакомить с домом.

Машина Виктора ждала у подъезда. Огромный черный внедорожник. Когда Валя села в салон, пахнувший его парфюмом, она заметила на заднем сиденье несколько бутылок воды и коробку с какими-то тросами.

Глава 3. Зеркала и тени

Прошло три недели с момента их знакомства. Валя потеряла счет дням, потому что каждый из них был заполнен Виктором до краев. Она просыпалась — и в телефоне уже висело сообщение: «Доброе утро, моя тихая. Как спалось?» Она выходила с работы — а он уже ждал у крыльца, прислонившись к капоту своей черной машины, и прохожие оборачивались им вслед.

Это пьянило. Ее, серую мышь, заметил король.

В то утро все началось иначе. Виктор не написал. Телефон молчал, и Валя, промучившись до обеда, сама набрала его номер. Гудки шли долго, а когда он ответил, голос звучал сухо и отстраненно.

— Я занят. Вечером заеду.

И бросил трубку.

Валя осталась стоять посреди читального зала с прижатым к уху телефоном, чувствуя, как внутри разливается липкий холод. Что она сделала не так? Может, вчера слишком громко смеялась в ресторане? Может, надела слишком яркий шарф, хотя он просил «сдержанные тона»?

Она не находила себе места до вечера. Когда он наконец появился, то выглядел уставшим, под глазами залегли тени. Валя бросилась к нему, забыв про гордость и осторожность.

— Что случилось? Ты меня избегаешь?

Виктор посмотрел на нее долгим, изучающим взглядом. Что-то в его лице дрогнуло.

— Сегодня годовщина, — сказал он глухо. — Умер близкий мне человек. Я не хотел тебя тревожить.

Валя почувствовала укол стыда. Он страдал, а она думала только о себе и своей дурацкой ревности.

— Я хочу побыть один, — продолжил Виктор, отворачиваясь. — Поеду за город, в дом. Там тихо.

— Возьми меня с собой, — вырвалось у нее. — Пожалуйста. Я не буду тебе мешать. Я просто... просто хочу быть рядом.

Он замер. Медленно повернулся, и в его глазах мелькнуло то самое выражение, которое Валя тогда не сумела распознать. Предвкушение.

— Ты уверена? Загородный дом — это не ресторан. Там только я и ты. Никаких людей вокруг. Никакой связи. Ты не испугаешься?

— С тобой — никогда, — выдохнула она.

Виктор улыбнулся уголками губ.

— Тогда завтра утром. Я заеду в семь.

Дорога заняла почти три часа. Сначала трасса, потом ухабистый проселок, потом узкая колея, засыпанная прошлогодней хвоей, уводящая в самую чащу. Валя смотрела в окно, и ее не покидало странное чувство, что цивилизация отступает, тает позади, как мираж.

— Здесь очень глухо, — заметила она, когда машина в очередной раз подпрыгнула на корнях. — И темно. Фонарей вообще нет.

— Фонари мне не нужны, — ответил Виктор, не отрывая взгляда от дороги. — Я знаю здесь каждое дерево.

Наконец впереди показался забор. Высокий, каменный, с коваными воротами и спиралями колючей проволоки поверху. Он не вписывался в окружающий пейзаж — слишком монументальный, слишком тяжелый для простого дачного участка. За забором высился дом: двухэтажный особняк из темного кирпича, с узкими окнами и островерхой крышей. Он напоминал то ли старинную крепость, то ли склеп — и у Вали на мгновение перехватило дыхание.

— Это твой дом? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал восхищенно.

— Наш, — мягко поправил Виктор. — Теперь наш.

Ворота разъехались автоматически, машина въехала во двор, и створки с лязгом сомкнулись за ними. Валя вздрогнула от этого звука — слишком уж он походил на захлопнувшуюся дверь клетки.

«Не придумывай», — одернула она себя. — «Ты сама напросилась. Веди себя достойно».

Внутри дом оказался совсем не таким мрачным, как снаружи. Холл был отделан светлым деревом, в гостиной горел камин, и языки пламени плясали на стеклянных дверцах книжных шкафов, уходящих под потолок. Пахло сухими травами, деревом и кожей. У камина стоял накрытый на двоих стол: свечи, вино, блюдо с закусками.

— Ты подготовился, — прошептала Валя, снимая пальто.

— Я всегда готовлюсь, — ответил Виктор, принимая у нее верхнюю одежду. Его пальцы на секунду задержались на ее плечах, чуть сжали их, словно пробуя на прочность. — Ты замерзла. Иди к огню.

Вечер тек медленно и сладко. Они сидели на медвежьей шкуре перед камином, пили красное вино, и Виктор рассказывал о своем детстве. О матери, которая умерла, когда ему было десять. Об отце — военном, сухом и жестком человеке, который считал, что любовь нужно заслуживать болью. Валя слушала, и ее сердце разрывалось от жалости. Бедный, бедный мальчик. Его просто недолюбили. Поэтому он такой сложный, такой закрытый. Но она сумеет его отогреть. Она будет той, кто даст ему безусловную любовь.

— О чем ты думаешь? — спросил Виктор, поворачивая к ней голову.

— О тебе, — честно ответила она.

Он отставил бокал и взял ее за руку. Пальцы у него были, как всегда, холодными, и Вале захотелось согреть их в своих ладонях.

— Я не простой человек, Валя, — произнес он очень тихо и очень серьезно. — Во мне живет тьма. Иногда она берет верх. И тогда я становлюсь... другим. Тем, кто может причинить боль. Тем, кто требует от любимых слишком многого.

— Я не боюсь, — ответила она, сама подаваясь вперед, сокращая расстояние между ними. — Со мной тебе не нужно быть другим. Со мной ты можешь быть просто Витей.

И она поцеловала его. Сама. Впервые.

Губы Виктора были сухими, горячими (странно, при его-то холодных руках). Он на мгновение замер, будто удивленный, а потом ответил с той сдержанной силой, которая пугала и завораживала одновременно. Его рука легла на ее затылок, пальцы зарылись в волосы, и Валина голова закружилась.

Она не помнила, как они оказались в спальне. Точнее, помнила урывками: скрип деревянной лестницы, мелькание свечей в настенных канделябрах, широкая кровать с балдахином, похожая на корабль в полумраке.

Виктор опустил ее на прохладные простыни и навис сверху. В свете единственной свечи его лицо казалось вырезанным из мрамора — прекрасным и чужим.

— Ты готова отдать мне все? — спросил он шепотом, в котором слышалась какая-то затаенная, почти религиозная мука. — Всю себя? Без остатка?

— Да, — выдохнула Валя.

Она не лгала. В тот момент она действительно была готова. Ей казалось, что она стоит на пороге великой тайны, что этот мужчина — ее судьба, ее награда за годы одиночества.

Платье соскользнуло с плеч, и она осталась обнаженной — не только телом, но и душой. Виктор не спешил. Он изучал ее, как редкую книгу, проводя кончиками пальцев по линии ключиц, по груди, по животу. В его прикосновениях было что-то медицинское, клиническое, но Валя принимала это за трепет.

— Ты прекрасна, — прошептал он. — Ты чиста. Ты — совершенный материал.

Последние слова прозвучали странно, но она не успела их осмыслить, потому что он накрыл ее тело своим, и мир перестал существовать.

Глава 4. Ночь

Их близость была похожа на шторм. Виктор двигался в ней с яростной, почти гневной страстью, которая заставляла Валю впиваться ногтями в его плечи и сдерживать крик. Это не было похоже на любовь из книг — нежную и трепетную. Скорее, это было завоевание. Он брал ее с такой силой, словно доказывал что-то самому себе, словно клеймил.

В какой-то момент его пальцы сомкнулись на ее запястьях и прижали их к кровати — сильно, до боли. Валя пискнула, но он не ослабил хватку.

— Тише, — прошипел он ей в ухо. — Не сопротивляйся.

И она подчинилась. Она расслабила мышцы, позволяя ему делать с ней все, что он хотел. Боль смешалась с удовольствием, страх — с восторгом. Это было неправильно, но именно эта неправильность будоражила кровь.

В момент пика удовольствия она услышала, как он произнес имя. Не Валино. Какое-то другое, короткое, на «А». Аня? Аля? Она не разобрала. Но это имя, сорвавшееся с его губ в момент наивысшей близости, вонзилось в сердце острой занозой.

Позже, когда они лежали, переплетаясь влажными телами, Валя спросила:

— Кто такая Аня?

Тишина в комнате стала оглушительной. Даже потрескивание свечи, казалось, стихло.

— Где ты услышала это имя? — спросил Виктор бесцветным, как у робота, голосом.

— Ты произнес его. Только что.

Он повернулся к ней. Его лицо, залитое тенью, было страшным.

— Тебе показалось, — сказал он ледяным тоном. — У тебя разыгралось воображение. Я не произносил никаких имен, кроме твоего.

Валя почувствовала, как к горлу подкатывает ком. Тепло, которое еще минуту назад разливалось по телу, исчезло, сменившись холодом.

— Прости, — пролепетала она. — Я, наверное, правда... ошиблась.

— Да, — он погладил ее по голове, но жест получился механическим, как у дрессировщика, успокаивающего зверька. — Ты ошиблась. Ты устала. Давай спать.

Он задул свечу, и комната погрузилась в абсолютную тьму. Валя лежала с открытыми глазами, чувствуя, как его рука тяжелым грузом лежит на ее талии, словно удерживая. Словно запирая.

Сон пришел, когда за окном уже начали щебетать первые птицы.

Пробуждение было ужасным.

Сначала — холод, пронизывающий до костей. Затем — запах. Плесень, сырость, что-то металлическое и ржавое. И тишина, давящая на уши.

Валя попыталась пошевелиться и не смогла. Что-то держало ее за запястье. Железное, тяжелое.

Она открыла глаза. Темнота. Не та, уютная, спальни с балдахином, а абсолютная, подвальная, в которой не видно собственной руки.

Воспоминания хлынули лавиной: ночь, камин, Виктор... а потом — провал. Пустота. Она не помнила, как заснула. Не помнила, чтобы просыпалась.

— Витя? — позвала она хрипло.

Ей никто не ответил.

Зато в темноте раздался звук. Мерный, ритмичный. Кап... кап... кап... Это капала вода, и каждая капля отдавалась в голове набатом.

Валя закричала.

Глава 5. Правила игры

Она кричала долго. Сначала звала Виктора. Потом просто кричала, не в силах сдержать рвущийся из груди ужас. Потом умоляла. А потом снова кричала, пока голос не сел окончательно, превратившись в сиплое карканье.

Когда дверь наверху наконец скрипнула, и на лестнице зажглась тусклая лампочка, Валя уже не кричала. Она тихо плакала, свернувшись в углу на ворохе старой мешковины.

Виктор спустился медленно, почти лениво. Его шаги отдавались эхом от бетонных стен. Он был одет в чистый свитер и брюки, его волосы аккуратно зачесаны. Он выглядел так, словно только что вышел из душа, и это было самым жутким контрастом с тем местом, где оказалась она.

— Доброе утро, душа моя, — произнес он ласково.

Валя смотрела на него и не узнавала. Черты те же, но за ними теперь проглядывало нечто чужое, нечеловеческое. Так, наверное, смотрит волк из-за деревьев на заблудившегося путника — без злобы, но и без пощады.

— Почему я здесь? — прошептала она. — Что случилось? Витя, мне страшно. Пожалуйста, выпусти меня.

— Ты здесь, потому что я так решил, — ответил он, присаживаясь перед ней на корточки. — Ты сказала, что готова отдать мне всю себя. Ты сказала «да». Помнишь?

— Я не это имела в виду!

— Ах, вот как. — Он поджал губы. — Значит, ты меня обманула. Ты предлагала мне безусловную любовь, но ставишь условия. Говорила «всю себя», а теперь торгуешься. Это не любовь, Валя. Это сделка.

Он встал и прошелся по камере, заложив руки за спину, как профессор во время лекции.

— Любовь, какой ее придумали люди, — это фикция. Иллюзия. Двое встречаются, улыбаются, дарят цветы — а внутри каждый думает только о себе. «Что я с этого получу?» «Как бы не продешевить?» Это рынок, Валя. А я предлагаю тебе не рынок. Я предлагаю храм.

Он резко развернулся, и его голос зазвенел металлом.

— В этом храме ты научишься любить по-настоящему. Без эгоизма. Без лжи. Ты отдашь мне все — свою волю, свой страх, свою боль. И только тогда ты станешь свободной.

— Ты безумен, — прошептала Валя.

— Возможно, — легко согласился он. — Но это ничего не меняет.

Он указал на стену, где висел регулятор температуры.

— Правило первое: послушание вознаграждается. Ты была хорошей девочкой ночью? Значит, сегодня получишь плед и горячий ужин. Правило второе: сопротивление наказывается. Крик, попытка побега, оскорбления — и ты остаешься без еды. Или без одежды. Или без света. Все просто.

— А если я откажусь играть в твои игры? — тихо спросила она.

Виктор улыбнулся. Эта улыбка не коснулась его глаз.

— Тогда ты умрешь, — сказал он. — В холоде, в темноте и в одиночестве. И никто никогда не узнает, где ты. Потому что этого дома нет на картах, и никто в целом свете не ищет тебя, Валя. Твоя мать звонит раз в неделю, но я уже отправил ей сообщение с твоего телефона: ты уехала в отпуск с любимым мужчиной. Подруга в Таиланде и не вспомнит о тебе до Нового года. С работы ты взяла отпуск за свой счет — я заполнил заявление от твоего имени. Ты исчезла, душа моя. И только я решаю, что с тобой будет.

Он говорил это так спокойно, так обстоятельно, что Валя почувствовала, как земля уходит из-под ног в буквальном смысле. Он все продумал. Все просчитал. С самого начала — с той первой встречи в библиотеке — она была не девушкой, а мишенью.

— За что? — прошептала она. — Почему я?

Виктор помолчал. Потом достал из кармана маленькую фотографию и положил на пол перед ней.

С выцветшего снимка смотрела девушка, похожая на Валю. Светлые волосы, мягкие черты лица, серые глаза. Но в ней было что-то еще — надлом во взгляде, горькая складка у губ.

— Это Аня, — сказал Виктор. — Ты спрашивала ночью. Аня была моей первой любовью. Она тоже говорила «да». А потом пыталась уйти. Предала меня.

— Где она сейчас?

Виктор ничего не ответил. Он просто убрал фотографию обратно в карман и пошел к выходу.

— Ужин будет через три часа, — бросил он, не оборачиваясь. — Постарайся к тому времени успокоиться. И запомни, Валя: боль неизбежна. Но страдание — это выбор. Твой выбор.

Дверь захлопнулась.

Валя осталась одна в темноте. Она смотрела на то место, где только что лежала фотография, и думала о девушке по имени Аня. О том, что с ней стало.

И о том, что ждет ее саму.

Глава 6. Инвентаризация души

Первые дни в подвале слились для Вали в одно бесконечное серое пятно. Виктор приходил и уходил. Иногда он приносил еду: простую кашу, бульон, хлеб, воду. Иногда — боль.

Боль он вводил постепенно, как лекарство с нарастающей дозировкой. Сначала это были просто удержания — он мог часами сидеть рядом и держать ее запястье так, что рука немела. Потом пошли «уроки позы»: он заставлял ее стоять на коленях на бетонном полу до тех пор, пока ноги не переставали чувствовать. Потом — «уроки тишины»: она не имела права издавать ни звука, пока он говорил. За каждый всхлип, за каждый стон — наказание.

Наказания были изошренными, но не кровавыми. Виктор гордился тем, что не оставляет шрамов. «Тело должно оставаться чистым, — объяснял он. — Страдает душа, не плоть». Он мог на несколько часов выключить свет. Или, наоборот, оставить яркую лампу включенной на всю ночь, не давая сомкнуть глаз. Мог лишить воды на сутки. Мог запустить в подвал ледяной воздух и убрать плед. Мог просто сидеть и смотреть на нее молча, пока нервы не начинали сдавать, и она не раздражалась слезами.

И тогда он улыбался.

— Вот видишь, — говорил он. — Ты плачешь, и это правда. Твои слезы — это твоя истинная суть. Не та маска, которую ты носила в библиотеке. Не та роль серой мышки. А настоящая, живая Валя.

И самое страшное заключалось в том, что в минуты его откровений — а они случались после каждого наказания — он снова становился тем Виктором, в которого она когда-то влюбилась. Он укутывал ее в плед, гладил по голове, кормил с ложечки горячим супом и рассказывал о своем детстве. Об отце, который порол его ремнем за каждую провинность и называл это «воспитанием мужчины». О матери, которая молча смотрела на это, прикусив губу.

— Меня били, потому что любили, — говорил он, и его голос звучал на удивление беззащитно. — Отец говорил: «Если бы ты был мне безразличен, я бы не тратил на тебя силы». И я понял. Понял, что боль — это доказательство неравнодушия. Когда тебя наказывают, ты кому-то нужен. А когда о тебе забывают — вот это настоящая смерть.

В такие минуты Валя чувствовала, как ее ненависть дает трещину. Сквозь нее прорастало что-то другое — запретное, опасное, но неодолимое. Жалость.

Ей становилось жаль этого сломанного мальчика. Этого взрослого мужчину с мертвыми глазами. И тогда она сама тянулась к нему, брала его ледяную руку в свои и шептала:

— Я понимаю. Я правда понимаю.

И он улыбался ей. Улыбался почти по-настоящему. И в этот момент она готова была вытерпеть все, что угодно, лишь бы он улыбался так снова.

Так прошла неделя. А может быть, две. Валя потеряла счет времени. Ее мир схлопнулся до размеров бетонной камеры, цепи и звука шагов наверху. Она научилась различать настроение Виктора по походке. Научилась предугадывать его желания. Научилась быть удобной.

Но однажды случилось то, что перевернуло все.

Виктор вернулся из города позже обычного. Он был взвинчен, его движения дергаными, а взгляд — расфокусированным. Валя сразу поняла: что-то пошло не так.

— Ты хочешь есть? — спросила она тихо. Это тоже было частью новой реальности: теперь она спрашивала о нем, а не о себе.

— Заткнись, — бросил он.

И ударил.

Первый раз по-настоящему. Не «урок», не наказание за конкретную провинность, а просто так — потому что ему было плохо. Кулак пришелся ей в скулу, и Валя отлетела к стене, больно ударившись затылком о бетон. В глазах вспыхнули искры.

Она не закричала. Она просто сжалась в комок и закрыла голову руками, ожидая новых ударов. Но их не последовало.

Вместо этого Виктор вдруг опустился перед ней на колени и уткнулся лицом в ее плечо. Его тело сотрясала крупная дрожь.

— Прости, — прошептал он сдавленно. — Прости, прости, прости...

И тогда Валя сделала то, чего не должна была делать. То, что окончательно перечеркнуло грань между жертвой и мучителем.

Она обняла его.

Прижала к себе его голову, погладила по волосам и стала укачивать, как ребенка.

— Все хорошо, — сказала она. — Я здесь. Я с тобой. Я никуда не уйду.

И она верила в то, что говорила.

Глава 7. Двойник

Той ночью, после его срыва, что-то в Вале сломалось окончательно. Или наоборот — встало на место.

Она лежала на своей мешковине, смотрела в темноту и вдруг ясно, отчетливо ощутила, что ее больше нет. Той Вали, которая работала в библиотеке, покупала кофе в бумажном стаканчике и мечтала о большой любви, больше не существовало. Она истончилась, истаяла, как восковая фигурка, из которой вынули фитиль.

Вместо нее родилась другая.

Эта другая была хитрой. Эта другая понимала: чтобы выжить, нужно стать тем, кого он хочет видеть. Нужно полюбить его. Не притвориться — именно полюбить. Потому что фальшь он чуял мгновенно. А настоящее чувство, даже выращенное на почве боли и страха, могло стать ее щитом.

— Ты мой, — прошептала Валя в темноту, обращаясь к отсутствующему Виктору. — А я твоя. Я принимаю это.

И тьма приняла ее слова.

Утром, когда Виктор спустился в подвал, он застал странную картину: Валя сидела на своем матрасе, выпрямив спину, сложив руки на коленях. Ее глаза были ясными, лицо — спокойным. Синяк на скуле еще не прошел, но она, казалось, его не замечала.

— Доброе утро, — сказала она. Голос звучал ровно.

Виктор насторожился. Он привык к другому: к утреннему страху, к заплаканным глазам, к осторожному ожиданию боли. А здесь перед ним сидела почти статуя.

— Ты хорошо выглядишь, — заметил он, вглядываясь в ее лицо.

— Я много думала ночью, — ответила Валя. — О тебе. О нас. О том, что ты мне говорил. И я поняла, что ты был прав.

— Прав в чем?

— Во всем. Я цеплялась за свою прежнюю жизнь, а она была пустой. У меня не было никого, кто бы меня по-настоящему любил. Даже я сама себя не любила. А ты... ты видишь меня. Ты тратишь на меня время, силы, эмоции. Это ведь чего-то стоит?

Виктор медленно опустился на стул. Его лицо оставалось бесстрастным, но в глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Ты говоришь это, чтобы задобрить меня? — спросил он.

— Я говорю это, потому что хочу жить, — честно ответила Валя. — И единственный способ жить — это быть с тобой. Я выбираю тебя.

Пауза, повисшая в камере, была долгой и тяжелой. Затем Виктор медленно кивнул, словно подтверждая что-то самому себе.

— Хорошо, — сказал он. — Сегодня ты будешь ужинать наверху. Со мной.

Это был первый раз, когда Валя поднялась из подвала на своих ногах. Цепь сняли — пока только для того, чтобы перевести ее в другую комнату. Когда она проходила через дом, то увидела солнце. Оно било в окна, и это казалось почти невыносимым после недель искусственного света и тьмы.

В столовой был накрыт стол — белая скатерть, свечи, еда на фарфоровых тарелках. Валя села на указанный стул и впервые за долгое время взяла в руки настоящие столовые приборы.

— Ты можешь попытаться бежать, — заметил Виктор, наливая вино в ее бокал. — Дверь не заперта.

Это была проверка. Валя знала это.

— Мне некуда бежать, — сказала она, и это было правдой. — Там, — она кивнула на окно, — меня никто не ждет. А здесь — ты.

Она подняла бокал и посмотрела ему в глаза.

— За нас.

Виктор выдержал ее взгляд. Его собственное лицо было сложным, в нем боролись недоверие, торжество и что-то еще — быть может, тень разочарования. Слишком быстро она сдавалась. Слишком легко.

Но Валя уже знала, что делает. Сдаться — не значило проиграть. Сдаться — значило усыпить его бдительность. А что будет потом, она решит позже.

Пока что нужно было просто выжить.

И она намеревалась выжить. Любой ценой.

Глава 8. Оттепель

После того вечера в столовой что-то неуловимо изменилось. Виктор не стал снова запира-ть Валу в подвале — вместо этого он отвел ее в небольшую комнату на втором этаже, смеж-ную с его спальней. Комната была обставлена скромно, но чисто: узкая кровать, застеленная серым бельем, деревянный стул, стол с графином воды и стаканом. Окно выходило в сад, но было забрано решеткой — тонкой, кованой, почти изящной, но все же решеткой.

— Это твоя комната, — сказал Виктор, распахивая перед ней дверь. — Пока ты ведешь себя хорошо, ты будешь жить здесь. Подвал останется для... особых случаев.

Валя кивнула, не задавая вопросов. Она вошла в комнату и остановилась посреди нее, не зная, что делать дальше. Кровать. Настоящая кровать, с матрасом и подушкой. Она не спала на кровати уже несколько недель. При мысли о том, что сегодня ночью можно будет вытянуть ноги, а не сворачиваться калачиком на бетоне, к глазам подступили слезы.

— Тебе нравится? — спросил Виктор. В его голосе прозвучала почти детская надежда на похвалу.

— Да, — прошептала Валя. — Спасибо.

Она повернулась к нему и заставила себя улыбнуться. Мышцы лица слушались плохо, улыбка вышла кривоватой, но Виктор, казалось, остался доволен.

— Сегодня я буду работать в кабинете, — сказал он. — Ты можешь почитать. Я принесу книги из библиотеки. Какие ты хочешь?

Книги. Он спрашивал ее о книгах. Это было настолько нормально, настолько похоже на прежнюю жизнь, что у Вали перехватило горло.

— Что-нибудь легкое, — ответила она. — Что-нибудь, где нет боли.

Виктор понимающе кивнул.

— Я подберу.

Он ушел, и Валя осталась одна. Она села на кровать и провела ладонью по серому покрывалу. Ткань была грубоватой, но чистой. Пахло стиральным порошком — простым, без отдушек. Она легла, вытянулась во весь рост и уставилась в потолок.

Ей хотелось плакать. Но она не позволяла себе. Слезы — это слабость, а слабость — это наказание. Она выучила этот урок.

Вместо слез она начала думать. По-настоящему думать — впервые с того момента, как очнулась в подвале. Раньше ее мысли были заняты только одним: боль, страх, выживание. Теперь же, получив крохотную передышку, она смогла наконец оценить ситуацию трезво.

Что она знает о Викторе?

Он архитектор. У него есть деньги — дом, машина, дорогая одежда. Он умен, чертовски умен. Он умеет манипулировать людьми, умеет просчитывать их реакции. У него есть травма детства — отец-абыюзер, мать-соучастница. И у него была Аня. Первая жертва? Или просто первая любовь, которая пошла не по сценарию?

И главное: он убивал раньше? Слова о том, что «дом не значит на картах», фотография исчезнувшей девушки, его уверенные движения, когда он причинял боль — все это говорило о практике. О страшной, многолетней практике.

Если она хочет выжить, ей нужно узнать больше. Нужно завоевать его доверие настолько, чтобы он начал рассказывать. А для этого нужно играть роль. Не просто покорной жертвы, а понимающей возлюбленной. Той, кто принимает его таким, какой он есть.

Это будет долгая игра. Но Валя, которая когда-то считала себя серой мышью, вдруг обнаружила в себе неожиданный резерв. Она умеет притворяться. Она притворялась всю жизнь — притворялась, что ей не больно от одиночества, притворялась, что ей нравится ее работа, притворялась, что ее устраивает роль невидимки. Теперь эти навыки должны спасти ей жизнь.

Вечером Виктор принес книги. Три тома в потертых кожаных переплетах: Чехов, Тургенев и сборник поэзии Серебряного века. Он положил их на стол и вопросительно посмотрел на Валю.

— Подойдет?

— Да, — она взяла в руки чеховский сборник, раскрыла наугад. — «Дама с собачкой». Я люблю этот рассказ.

— Я знаю, — сказал Виктор.

Валя подняла на него глаза.

— Откуда?

— Ты упоминала в нашу первую встречу. Сказала, что это лучшая история о любви, потому что она безнадежна.

Валя похолодела. Она не помнила, чтобы говорила это. Но он помнил. Он запоминал каждое ее слово с самого начала, коллекционировал факты о ней, как экспонаты. Это было жутко и... странно льстило.

— У тебя хорошая память, — сказала она.

— Только для важных вещей.

Он сел на стул напротив нее и закинул ногу на ногу. Сейчас он выглядел почти расслабленным, почти нормальным. Валя понимала, что это тоже часть игры — показать ей «хорошего Виктора», чтобы контраст с «плохим» был еще острее. Но она все равно купилась на это. Ей хотелось верить в хорошего.

— Расскажи мне о своей работе, — попросила она. — Ты архитектор. Что ты строишь?

Он чуть приподнял бровь, удивленный таким интересом. Но потом заговорил. Сначала сдержанно, потом все более увлеченно. Он рассказывал о проектах — офисных центрах со стеклянными фасадами, о частных резиденциях в минималистском стиле, о реконструкции старинной усадьбы под музей. Валя слушала, задавала вопросы, кивала. Она понимала далеко не все, но ей было важно другое: он открывался.

Впервые с момента ее заточения он говорил с ней не как с жертвой, а как с человеком. И это была победа. Маленькая, но победа.

— Почему ты стал архитектором? — спросила она, когда он замолчал.

Виктор задумался. Его взгляд стал отстраненным, обращенным внутрь себя.

— Потому что я хотел создавать миры, — ответил он наконец. — Миры, в которых все подчиняется моим правилам. Где нет хаоса, нет грязи, нет случайностей. Архитектура — это контроль. Ты проектируешь пространство, и люди внутри него двигаются так, как задумал ты. Они даже не подозревают об этом, а ты — знаешь. Ты держишь их в ладони.

Валя почувствовала холодок, пробежавший по спине. Он говорил о зданиях, но она слышала другое. Он говорил о ней. О том, что этот дом — тоже его проект. И она в нем — всего лишь элемент, функция, деталь интерьера.

— А что, если люди не хотят двигаться по твоим правилам? — тихо спросила она.

Виктор перевел взгляд на нее. Его глаза потемнели.

— Тогда они ломают проект. А я не люблю, когда ломают мои проекты.

Повисла пауза. Валя поняла, что ступила на опасную территорию, и быстро сменила тему.

— Ты покажешь мне свои работы? Чертежи, макеты?

— Может быть, — он расслабился. — Когда-нибудь.

В эту ночь Валя впервые за долгое время уснула без страха. Не потому, что опасность миновала, а потому, что она нашла стратегию. Понять его. Стать для него незаменимой. А потом — найти трещину в его броне и ударить в нее.

Глава 9. Трещина

Прошло еще несколько дней. Жизнь Вали вошла в странный, почти сюрреалистический ритм. Утром Виктор приносил завтрак — обычно они ели вместе в столовой. Потом он уходил работать в кабинет, а Валя оставалась в своей комнате: читала, смотрела в окно на кусок сада, думала. Днем он иногда брал ее на прогулку — в сад, обнесенный все тем же высоким забором. Свежий воздух пьянил, солнце слепило глаза, и Валя на несколько минут почти забывала, где находится.

Но решетка на окне и запертые ворота возвращали к реальности.

Она заметила, что Виктор становится более... привязанным? Да, это было похоже на привязанность. Он чаще улыбался, реже хмурился. Он перестал напоминать ей о подвале. Он даже принес ей новую одежду — простую, но качественную, подобранную точно по размеру.

— Ты заслужила это, — сказал он, вручая ей аккуратно сложенные вещи. — Ты была хорошей.

И Валя почувствовала укол... гордости? Нет, не может быть. Это просто рефлекс. Собака Павлова радовалась корму, не понимая, что корм — часть эксперимента.

Но однажды вечером произошло то, что она не могла предвидеть.

Они сидели в гостиной. Виктор работал с ноутбуком, Валя читала — она почти дочитала чеховский сборник. В камине потрескивали дрова, и мир казался почти уютным.

Вдруг Виктор резко захлопнул ноутбук и вскочил на ноги. Его лицо побелело.

— Что случилось? — спросила Валя, откладывая книгу.

— Ничего, — отрывисто бросил он. — Сиди здесь.

И он вышел из комнаты быстрым, почти бегущим шагом.

Валя осталась одна. Сердце колотилось. Что произошло? Она прислушалась. Из глубины дома доносились странные звуки: тяжелое дыхание, глухие удары — словно кто-то бил кулаком в стену.

Она знала, что не должна выходить. Что любопытство может быть наказано. Но инстинкт исследователя, того самого, который когда-то привел ее в библиотечное дело, оказался сильнее страха.

Валя тихо встала и на цыпочках вышла в коридор. Звуки доносились из его кабинета. Дверь была приоткрыта.

Она заглянула в щель.

Виктор стоял на коленях посреди комнаты, спиной к ней. Его плечи вздрагивали. Он прижимал к лицу какой-то предмет — кажется, старый шелковый платок. И он говорил. Говорил сбивчиво, задыхаясь:

— Прости... прости меня... я не хотел... ты сама... ты сама заставила...

Валя похолодела. С кем он говорил? В кабинете больше никого не было.

Она хотела отступить, но половица под ногой предательски скрипнула. Виктор мгновенно обернулся. Его лицо было искажено — не гневом, а настоящей, глубокой мукой. По щекам текли слезы.

— Что ты здесь делаешь?! — закричал он. Голос сорвался на фальцет.

— Я... я услышала шум, — пролепетала Валя. — Я испугалась за тебя.

Он смотрел на нее, тяжело дыша. Потом медленно, как сломанная кукла, поднялся с колен. Платок он судорожно запихнул в карман.

— Убирайся, — сказал он тихо, но с такой интонацией, что у Вали кровь застыла в жилах. — Убирайся в свою комнату. Немедленно.

Она не стала спорить. Развернулась и почти бегом бросилась наверх, закрылась в своей комнате и прижалась спиной к двери, переводя дыхание.

Что это было? Чей платок? Кого он просил о прощении?

Ответ пришел сам собой — страшный и очевидный.

Аня.

У него был ритуал. Он разговаривал с мертвой девушкой. Или с ее вещью. И это значило, что Аня не просто «ушла», не просто «предала». Она была здесь. В этом доме. И, скорее всего, она отсюда не вышла.

Валины руки задрожали. Она обхватила себя за плечи и медленно сползла по двери на пол.

Теперь она знала наверняка: он убийца.

И она будет следующей, если не найдет способ остановить его.

Глава 10. Стихи для хищника

Следующим утром Виктор вел себя так, будто ничего не произошло. Он принес завтрак — овсянку с ягодами, тосты, свежавыжатый сок. Он даже улыбнулся Вале, когда она вошла в столовую.

— Доброе утро. Как спалось?

Валя смотрела на него и поражалась. Вчера вечером этот человек стоял на коленях и рыдал над платком мертвой девушки. А сегодня он намазывает масло на тост с непринужденностью добропорядочного семьянина. Как он это делает? Как он переключается?

— Хорошо, — ответила она, садясь за стол. — Спасибо.

Ей пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы голос не дрожал. Она больше не имела права на страх. Страх — это провал. Страх — это то, что он чувствует.

— Я хотел извиниться за вчерашнее, — сказал Виктор, помешивая кофе. — У меня бывают... приступы мигрени. Очень сильные. В такие моменты я не контролирую себя. Прости, если напугал.

«Мигрень», — мысленно усмехнулась Валя. — «Конечно. Мигрень. Не призрак убитой девушки».

— Я понимаю, — сказала она вслух. — У меня тоже бывают мигрени. Нужно просто переждать.

Она говорила спокойно, даже участливо. Но внутри у нее работал холодный, расчетливый ум. Сегодня ночью, лежа без сна, она приняла решение. Она больше не будет просто ждать. Она начнет действовать.

План был простым, насколько это возможно в ее ситуации. Шаг первый: найти информацию. Узнать о прошлом Виктора, об Ане, о других возможных жертвах. Шаг второй: найти способ связи с внешним миром. Шаг третий: бежать.

Но сначала — усыпить его бдительность окончательно.

— Витя, — позвала она, и он поднял голову. Впервые она использовала уменьшительное имя сама, без его подсказки. — Можно мне выйти в сад сегодня? Погода хорошая. Я почитаю на воздухе.

Виктор на мгновение задумался, оценивая ее просьбу.

— Хорошо, — кивнул он. — Но далеко не отходи. И помни: забор под напряжением. Прикоснешься — убьет.

Он сказал это буднично, словно предупреждал о скользком полу. Валя сглотнула ком и кивнула.

— Я помню.

Сад был прекрасен. Ухоженные кусты роз, старая яблоня, деревянная скамейка под ней. Если забыть о колючей проволоке и камерах наблюдения, следящих за каждым движением, можно было представить, что ты в обычном загородном доме.

Валя села на скамейку и раскрыла книгу, но читать не могла. Ее взгляд скользил по периметру забора, выискивая уязвимости. Камеры висели на каждом углу. Проволока блестела на солнце. Калитка была стальной, с электронным замком.

Отсюда не сбежать.

Но, может быть, есть другой путь? Не физический, а информационный. Если она сможет найти телефон, компьютер, хоть что-то, что соединяет этот дом с внешним миром...

— Я принес тебе чай.

Голос Виктора прозвучал прямо за спиной, и Валя вздрогнула. Она не слышала его шагов — он передвигался совершенно бесшумно, как хищник.

— Спасибо, — она приняла чашку из его рук. Их пальцы соприкоснулись, и Валя подавила желание отдернуть руку. — Присядешь?

Виктор сел рядом. Некоторое время они молчали. Солнце пробивалось сквозь листву, рисуя на земле кружевные узоры.

— Знаешь, — заговорил он вдруг, — я никогда не думал, что смогу вот так сидеть с кем-то. Просто сидеть и молчать. И чтобы это было... правильно.

— А с Аней? — спросила Валя тихо.

Она рисковала. Но риск был рассчитанным — он сам упомянул ее имя в ту ночь, он показал фотографию. Значит, тема не под абсолютным запретом.

Виктор долго молчал. Валя уже думала, что он не ответит.

— С Аней все было по-другому, — произнес он наконец. Голос звучал глухо, словно через толщу воды. — Она была... яркой. Слишком яркой. Она горела, и я хотел быть рядом с этим огнем. Но огонь обжигает.

— Что с ней случилось?

Он повернул голову и посмотрел на Валу. В его зрачках плясало что-то темное, опасное.

— Она хотела уйти, — сказал он. — Как и ты сначала. Но она не сумела принять мою любовь. Она боролась до конца. И проиграла.

— Ты убил ее?

Вопрос повис в воздухе, как топор. Валя смотрела ему прямо в глаза и ждала. Если он сейчас взорвется, все пропало. Но если нет — она получит первый настоящий ответ.

Виктор медленно покачал головой.

— Я не убиваю тех, кого люблю, — сказал он. — Я их освобождаю. Аня сама сделала выбор. Она предпочла смерть жизни со мной. Это был ее выбор, Валя.

— А другие?

— Другие?

— До меня. До Ани. Были ведь и другие?

Виктор вдруг улыбнулся — жуткой, волчьей улыбкой.

— Ты умная девочка, — сказал он. — Умнее, чем кажешься. Да, были. Но о них я расскажу как-нибудь в другой раз. Когда ты будешь готова.

Он встал и отряхнул невидимые пылинки с брюк.

— Чай остынет, — заметил он. — Пей.

И ушел.

Валя осталась сидеть на скамейке, сжимая в руках теплую чашку. Ее сердце колотилось так, что, казалось, было слышно на весь сад. Она получила ответ. Не прямой, но достаточный.

Были другие.

И она — одна из многих.

Глава 11. Архив

Прошло три дня, прежде чем Валя получила шанс, которого ждала.

Виктор уехал в город. Такое случалось примерно раз в неделю — он говорил, что должен «решать дела», и исчезал на несколько часов. Перед отъездом он неизменно запирает ее в комнате, и сегодняшний день не стал исключением.

— Я вернусь к ужину, — сказал он, стоя в дверях. — Веди себя хорошо.

— Конечно, — кивнула Валя.

Щелкнул замок. Шаги удалились. Хлопнула входная дверь. Заурчал двигатель машины. Потом — тишина.

Валя подождала еще полчаса, на всякий случай. Потом встала с кровати и подошла к двери. Замок был электронным — без ключа не открыть. Но Виктор, расслабившись за последние дни, допустил ошибку. Вчера, когда он заходил в ее комнату, он оставил свой телефон на тумбочке в коридоре. На минуту, не больше. Но Валя заметила пароль, который он ввел: 1987.

Год его рождения? Или что-то другое? Неважно. Главное, она запомнила цифры.

Конечно, от ее двери пароль не подходил — у каждой комнаты был свой код. Но был шанс, что Виктор использовал одинаковые комбинации для разных замков в доме. Люди часто так делают.

Валя подошла к окну. Решетка. Но решетка крепилась к раме болтами, и один из них, в нижнем углу, качался. Она заметила это еще в первый день — вероятно, коррозия сделала свое дело. Если расшатать его сильнее...

Она оглядела комнату в поисках инструмента. Ничего металлического. Но был деревянный стул, тяжелый, дубовый. Если ударить по болту ножкой стула...

Валя сняла туфлю, обернула ее тканью покрывала, чтобы приглушить звук, и начала бить по нижнему углу решетки. Раз. Другой. Третий. Болт заскрипел и чуть-чуть подался.

Она продолжала. Пот заливал глаза, мышцы рук ныли, но она не останавливалась. Свобода была за этим окном — пусть не полная, но хотя бы свобода передвижения по дому. А в доме могли найтись инструменты. Или телефон. Или оружие.

Наконец болт вылетел и со звоном упал на пол. Затем второй, третий. Решетка держалась на честном слове. Валя поддела ее ножкой стула, нажала изо всех сил — и решетка с жалобным скрипом отогнулась ровно настолько, чтобы в образовавшуюся щель можно было протиснуться.

Она была худой — сказались недели скудного питания. Это спасло ее. Она протиснулась, обдирая плечи и бедра, упала в кусты под окном, больно ударившись коленом, но даже не заметила боли.

Она была снаружи.

Валя присела за кустом и осмотрелась. Камеры. Нужно держаться слепых зон — она примерно запомнила их расположение за время прогулок. Пригибаясь, она пробежала вдоль стены дома к задней двери.

Замок. Она набрала 1987.

Дверь открылась.

Удача была на ее стороне.

Она проскользнула внутрь и оказалась в кухне. Отсюда можно было попасть в коридор и дальше — в кабинет Виктора.

Ее сердце колотилось где-то в горле. Каждый шаг отдавался эхом. Но она шла. Она должна была найти хоть что-то.

Кабинет был заперт. Валя попробовала пароль — не подошел. Она чертыхнулась сквозь зубы и огляделась. Рядом была дверь в подвал — та самая, которую она никогда больше не

хотела видеть. Но именно там, как она помнила, Виктор хранил свои инструменты. И, возможно, не только их.

Она спустилась.

В подвале было темно, но она нащупала выключатель. Тусклая лампочка осветила знакомые бетонные стены, цепь, свисающую с кольца, стеллаж с инструментами. Валя подошла к стеллажу и начала методично его осматривать.

Инструменты, веревки, изолента... В дальнем углу стоял металлический ящик. Заперт.

Она поискала ключ — на полках, под ящиком, даже под матрасом, на котором спала неделями. Ничего.

Тогда она взяла с полки монтировку и вставила ее в щель между крышкой и корпусом. Нажала. Замок хрустнул.

Внутри ящика лежали документы. И фотографии.

Валя достала их дрожащими руками. Фотографий было пять. Пять девушек. Все светловолосые, все похожие на нее и друг на друга. На обороте каждой — имя и дата.

«Аня. 2018 — 2019».

«Оля. 2016 — 2017».

«Марина. 2014 — 2015».

«Катя. 2012 — 2013».

«Ира. 2011 — 2012».

Пять девушек. Пять жизней. И даты — интервал примерно в год. Каждая пробыла у него около года. А потом исчезла.

И следующим именем в этом списке, видимо, должна была стать «Валя. 2020 — ?».

Ее замутило. Она прижала руку ко рту, сдерживая рвотный позыв. Нужно было бежать. Немедленно. Прямо сейчас. Пока он не вернулся.

Но бежать некуда — забор, камеры, лес на много километров вокруг.

И тут она услышала звук.

Шум мотора.

Он вернулся. На два часа раньше, чем обещал.

Валя заметалась по подвалу. Спрятаться? Но он сразу поймет, что ее нет в комнате. Обнаружит выломанную решетку. И тогда...

И тогда будет то, что было со всеми предыдущими.

Она поняла, что у нее есть только один шанс. Нужно вернуться в комнату до того, как он заметит ее отсутствие. Может быть, решетку удастся приставить на место. Может быть, он не сразу заметит.

Она бросилась наверх, уже не скрываясь. По лестнице, через кухню, к задней двери. Выскочила наружу, пронеслась вдоль стены, долезла до окна, протиснулась обратно. Разорванная одежда, ссадины на коже — плевать.

Решетка. Нужно приставить решетку на место.

Она успела.

За секунду до того, как входная дверь внизу открылась, и знакомые шаги зазвучали в холле.

Валя рухнула на кровать, тяжело дыша, и попыталась придать лицу спокойное выражение.

В двери повернулся ключ.

Виктор заглянул в комнату.

— Я вернулся, — сказал он. — Все в порядке?

— Да, — ответила Валя, надеясь, что он не заметит ее сбитого дыхания. — Я читала.

Он задержал на ней взгляд чуть дольше обычного. Потом кивнул и закрыл дверь.

Валя выдохнула. На этот раз пронесло.

Но она знала — следующего раза может не быть.

Глава 12. Перерождение

После ямы Валя изменилась. Это заметил даже Виктор.

Она больше не плакала. Не задавала лишних вопросов. Не смотрела тоскливо в окно. Она двигалась по дому бесшумно, как тень, и всегда оказывалась рядом именно в тот момент, когда он нуждался в ней.

— Ты сегодня рано вернулся, — говорила она, встречая его в прихожей с теплым полотенцем, если на улице шел дождь.

— Я приготовила ужин, — говорила она, хотя он не просил.

— Ты устал. Давай я сделаю тебе чай, — говорила она, заглядывая ему в глаза с тревогой и нежностью.

И Виктор таял. Он, привыкший к борьбе, к сопротивлению, к постепенному слому, не знал, что делать с этой новой Валей. Она перестала быть противником. Она стала... союзницей?

— Что с тобой произошло? — спросил он однажды, когда они сидели в гостиной после ужина.

Валя отложила книгу и посмотрела на него. Ее взгляд был ясным и спокойным.

— Там, в яме, я кое-что поняла, — сказала она. — Я поняла, что боролась не с тобой. Я боролась с собой. Со своей гордыней, со своими иллюзиями. А когда я перестала бороться, все встало на свои места.

— И что теперь на своих местах?

— Ты, — она чуть улыбнулась. — Ты — мое место. Мой дом. Моя жизнь.

Виктор долго смотрел на нее, и в его глазах читалось сложное чувство: смесь триумфа и растерянности. Он добился того, чего хотел — сломал ее, пересоздал под себя. Но теперь перед ним сидела не сломленная кукла, а существо с собственной волей — просто эта воля была направлена на служение ему.

— Иди ко мне, — сказал он хрипло.

Валя встала и подошла. Опустилась на колени рядом с его креслом — она знала, что ему это нравится. Положила голову ему на колени. Почувствовала, как его пальцы погружаются в ее волосы.

— Моя, — прошептал он. — Наконец-то моя. Полностью.

— Полностью, — подтвердила она.

И ни один мускул на ее лице не дрогнул.

Потому что где-то глубоко внутри, под слоями покорности и нежности, жила другая Валя. Та, что нашла фотографии в подвале. Та, что бежала через лес. Та, что выжила в яме.

Она умела ждать.

Глава 13. Доверие

После того разговора Виктор начал давать Вале больше свободы. Не потому, что стал беспечным — он не был идиотом. Просто теперь он действительно верил в ее перерождение. В конце концов, он видел это раньше — правда, на более поздних стадиях. Жертвы часто начинали проявлять признаки привязанности. Это называлось стокгольмским синдромом, и Виктор знал о нем все.

Но с Валей все было иначе. Ее трансформация казалась слишком полной, слишком глубокой. Она не просто привязалась — она, казалось, нашла в заточении смысл.

Он начал оставлять ее одну на целый день, не запирая. Сначала — ненадолго, на пару часов. Потом — с утра до вечера. Валя не делала попыток бежать. Она занималась домом: готовила, убирала, читала, возилась в саду — том самом, где, возможно, лежали останки Ани. Она нашла старые садовые инструменты и начала расчищать клумбы от снега, готовя их к весне.

— Ты любишь сад? — спросил Виктор, застав ее однажды за этим занятием.

— Здесь красиво, — ответила Валя. — Здесь спокойно.

— Ты не хочешь посадить что-нибудь?

— А можно?

— Все, что захочешь, — сказал он. — Я закажу семена.

И Валя улыбнулась. Почти искренне.

В тот вечер он впервые за долгое время принес ей подарок. Не книгу и не одежду — настоящее украшение. Тонкий серебряный браслет с гравировкой: «V & V».

— Виктор и Валентина? — спросила она, разглядывая буквы.

— Да. Это знак нашей связи. Я хочу, чтобы ты носила его. Всегда.

Валя защелкнула браслет на запястье. Металл был холодным, как его пальцы.

— Красиво, — сказала она. — Спасибо.

Она не добавила, что браслет напоминает кандалы. И что буквы «V & V» можно прочитывать как «Victim & Villain». Жертва и злодей.

Она просто носила его. И улыбалась.

Глава 14. Разговоры по душам

Чем больше Виктор доверял Вале, тем чаще он начинал говорить. Не просто о погоде или архитектуре — о себе. О своем прошлом. О своих мыслях.

Это были странные, почти исповедальные беседы. Обычно вечером, у камина, когда за окнами выла февральская вьюга. Виктор сидел в своем кресле с бокалом вина, Валя — у его ног на подушке, и он рассказывал.

Он рассказал, как в детстве отец запирали его в чулане за малейшую провинность. «Там было темно и пахло мышами. Я сидел часами и представлял, что я не здесь. Что я где-то еще. Это спасало».

Он рассказал, что его первая любовь — девочка из параллельного класса — высмеяла его перед всей школой. «Она сказала, что я урод. Что у меня руки всегда холодные и взгляд страшный. Я хотел умереть».

Он рассказал, что начал рисовать мертвых женщин задолго до того, как увидел первую. «Это помогало справляться с яростью. Лучше на бумаге, чем в реальности».

— А когда грань стерлась? — спросила Валя. — Между бумагой и реальностью?

Виктор задумался.

— С Иррой, — сказал он. — С ней все вышло само собой. Я не планировал. Просто однажды понял, что она слишком похожа на тех, с рисунков. И захотел проверить, будет ли она так же красива в страдании.

— И она была?

— Да. Но недостаточно. Она быстро сломалась, стала тупой куклой. Ничего не чувствовала. А я хотел... взаимодействия.

Валя слушала это и чувствовала, как внутри все леденеет, но лицо держала спокойным.

— Поэтому ты ищешь тех, кто сопротивляется? — спросила она. — Тебе нужна борьба?

— Мне нужна настоящая связь, — ответил Виктор. — Не просто подчинение. Я хочу, чтобы меня выбирали. Осознанно. Свободно.

— Как я?

— Да, — он посмотрел на нее с чем-то похожим на благоговение. — Как ты. Ты прошла через все круги ада и все равно выбрала меня.

Валя опустила голову, скрывая выражение глаз.

— Ты даже не представляешь, как это для меня важно, — продолжал Виктор. — Все эти годы я искал ту, которая сможет принять меня полностью. И нашел.

Он подался вперед и взял ее лицо в ладони.

— Я никогда не отпущу тебя, — прошептал он. — Ты моя навсегда. Ты понимаешь это?

— Понимаю, — ответила Валя.

И в этот момент она поняла еще кое-что: он не убьет ее. По крайней мере, не так, как других. Потому что она стала для него не просто жертвой — она стала смыслом. Его самым успешным проектом. Его шедевром.

Шедевры не уничтожают. Их хранят вечно.

И это давало ей время.

Глава 15. Инструменты влияния

Валя начала действовать осторожно, как сапер на минном поле.

Она понимала: прямая конфронтация бессмысленна. Виктор физически сильнее, у него оружие, у него собака, у него многолетний опыт. Но у нее было кое-что другое — понимание его психологии. Его травм. Его слабостей.

Она начала с малого.

Однажды за ужином она заметила, что он морщится, потирая висок.

— Опять мигрень? — спросила она участливо. — Ты принимал таблетки?

— Не помогает, — буркнул он.

— Я читала о точечном массаже, — сказала Валя. — Можно попробовать? Обещаю, будет не больно.

Виктор насторожился, но позволил ей подойти. Она встала сзади и начала осторожно массировать ему виски, основание черепа, точки за ушами. Ее движения были легкими, почти невесомыми.

Через несколько минут его плечи опустились, дыхание выровнялось.

— Лучше? — спросила она.

— Да, — выдохнул он удивленно. — Откуда ты знаешь?

— У меня у мамы были мигрени. Я научилась.

Это была ложь. У мамы никогда не было мигреней, а массаж Валя освоила по книге, которую нашла в его же библиотеке, когда изучала способы воздействия на нервную систему. Но он не проверял. Он просто наслаждался.

С этого дня массаж стал их вечерним ритуалом. Виктор садился в кресло, Валя вставала сзади, и на пятнадцать минут он полностью отдавался в ее руки. Закрывал глаза. Расслаблялся. Становился уязвимым.

Именно в эти минуты она начинала задавать вопросы — тихо, будто между прочим.

— Откуда у тебя этот шрам на плече? — спрашивала она, касаясь старого рубца.

— Отец, — отвечал он, не открывая глаз. — Ударил бутылкой. Мне было двенадцать.

— А почему ты не ушел из дома?

— Некуда было. И потом, я думал, что заслужил.

Валя запоминала каждую деталь. Каждую травму. Каждое слабое место.

Она узнала, что он боится грозы — в детстве отец однажды вытолкнул его под ливень и запер дверь. Она узнала, что он не выносит запах сирени — духи матери. Она узнала, что у него аллергия на пенициллин, что в юности он пытался покончить с собой, но его откачали, и что он до сих пор иногда видит кошмары, в которых кричит, не в силах проснуться.

Она узнала его лучше, чем кто-либо другой. Лучше, чем он знал себя сам.

И это знание было оружием.

Глава 16. Телефон

Прошло три месяца. Март вступил в свои права: снег таял, с крыши капало, в саду появились первые проталины. Валя возилась на клумбах, которые расчистила от снега, и ждала обещанных семян.

Но однажды, копаясь в ящике с садовым инвентарем, она нашла то, что искала все это время.

Телефон.

Старый, кнопочный, покрытый ржавчиной, но все еще работающий. Вероятно, он принадлежал садовнику, который обслуживал участок до того, как Виктор стал использовать дом для своих целей. Валя нажала кнопку включения — экран загорелся.

Зарядка была на нуле, но сам факт работающего устройства был чудом.

Она быстро спрятала телефон под куртку и вернулась в дом. Весь оставшийся день она провела в лихорадочном возбуждении, которое тщательно скрывала.

Ночью, когда Виктор уснул, она достала телефон из тайника — щели между половицами под кроватью. У нее не было зарядного устройства, но она помнила, что в кабинете Виктора лежали старые провода. Если найти подходящий...

Прошла неделя, прежде чем ей удалось стащить из кабинета старое зарядное устройство. Виктор в тот день был занят: ему позвонили из города, и он полчаса ругался с подрядчиком, расхаживая по гостиной. Валя воспользовалась моментом.

Еще через день, когда Виктор уехал в город, она впервые подключила телефон к сети.

Экран загорелся. Зарядка пошла.

Валя сидела на полу в своей комнате и смотрела на ползущую вверх полосу батареи, как на чудо. Ее сердце колотилось так сильно, что, казалось, было слышно на весь дом.

Когда заряд достиг ста процентов, она открыла меню. Телефон был без сим-карты, но это не страшно. В нем был экстренный вызов.

112.

Она набрала номер и поднесла трубку к уху.

Гудок.

Второй.

— Служба спасения, назовите ваше имя и местоположение.

Валя открыла рот, чтобы заговорить, и в этот момент услышала шум двигателя во дворе.

Он вернулся. Слишком рано.

Она нажала отбой и судорожно спрятала телефон обратно в тайник. Дыхание перехватило. Неужели он что-то заподозрил? Неужели заметил пропажу зарядки?

Но когда Виктор вошел в дом, он был в хорошем настроении.

— Я привез семена, — объявил он с порога. — И саженцы роз. Будем сажать вместе.

Валя выдохнула.

На этот раз пронесло.

Но телефон остался у нее.

Глава 17. Вторая попытка

Она ждала подходящего момента две недели.

За это время она успела еще дважды включить телефон и проверить, что сеть ловит. Ловила, но слабо — только в одном месте, у окна, выходящего на юг.

Она также успела продумать, что скажет, когда дозвонится. Адрес. Она должна была назвать адрес. Тот самый, что увидела на конверте: Поселок Лесной, дом 14. Она повторяла его про себя каждый день, как молитву.

План был таков: дождаться вторника. Позвонить. Сказать, что ее похитили, назвать адрес. И ждать.

Вторник настал.

Виктор уехал в семь утра. Валя выждала час, чтобы убедиться, что он не вернется, потом достала телефон и подошла к окну.

112.

Гудок. Второй. Третий.

— Служба спасения, назовите ваше имя и местоположение.

— Меня зовут Валентина Сурикова, — заговорила она быстро, боясь, что связь оборвется. — Меня похитили. Я нахожусь в загородном доме. Поселок Лесной, дом 14. Меня удерживают силой. Пожалуйста, помогите.

— Поселок Лесной, дом четырнадцать. Принято. Оставайтесь на линии.

— Не могу, — прошептала Валя. — Он может вернуться. Пожалуйста, быстрее.

И она отключилась.

Потом она спрятала телефон в тайник под половицей и стала ждать.

Час прошел. Второй. Третий.

Она пыталась читать, но буквы расплывались перед глазами. Она пыталась есть, но кусок не лез в горло. Она прислушивалась к каждому звуку снаружи, вздрагивала от каждого шороха.

Но ничего не происходило.

Ни сирен. Ни машин. Ни голосов.

Тишина.

К вечеру вернулся Виктор. Он был в хорошем настроении, привез продукты, даже какую-то безделушку для нее — стеклянный шар со снегом, внутри которого стоял крошечный домик.

— Это нам, — сказал он, вручая ей подарок. — Будет напоминать о нашем доме.

— Спасибо, — сказала Валя, принимая шар.

Она улыбнулась. Внутри у нее все оборвалось.

Никто не приехал.

Глава 18. Неделя ожидания

Она ждала еще неделю. Каждый день просыпалась с мыслью: «Сегодня». Каждый вечер засыпала с мыслью: «Не сегодня».

Виктор ничего не замечал. Он продолжал разыгрывать роль заботливого партнера — насколько это было возможно для человека, который держал ее в плену. Они вместе сажали розы в саду. Они вместе смотрели старые фильмы по вечерам. Они вместе спали в одной постели — и Валя больше не вздрагивала от его прикосновений.

Это пугало ее больше всего.

Однажды она не выдержала и снова включила телефон.

На этот раз она позвонила не в 112, а в справочную службу.

— Поселок Лесной, — сказала она, когда оператор ответил. — Сколько домов в этом поселке?

— Одну минуту, — ответил женский голос. Через паузу: — В поселке Лесном зарегистрировано двадцать три домовладения.

— А дом номер четырнадцать?

— Дом номер четырнадцать... — снова пауза, шуршание клавиш. — Пустует. Нежилое строение.

Валя почувствовала, как пол уходит из-под ног.

— Вы уверены?

— По данным реестра, дом нежилой с 2015 года. Владелец не установлен.

Валя медленно опустила телефон.

Она назвала неправильный адрес.

Тот конверт — старый, пожелтевший, с неразборчивым штемпелем — лежал на столе Виктора в первые недели ее заточения. Она запомнила адрес и решила, что это адрес этого дома. Но это был другой дом. Возможно, его предыдущее жилье. Возможно, дом его матери. Возможно, вообще случайный конверт, не имеющий к нему отношения.

Она ошиблась.

Спасатели приехали по вызову, нашли пустой дом, решили, что звонок был ложным или что жертва ошиблась адресом, и уехали. А она осталась здесь.

Одна.

Совершенно одна.

Валя сидела на полу, прижимая к уху замолчавший телефон, и чувствовала, как из глаз текут слезы — первые слезы за долгое время. Она плакала тихо, беззвучно, чтобы не услышал Виктор, который работал в кабинете этажом ниже.

Она плакала не о себе. Она плакала о том, что надежда, которая поддерживала ее все эти недели, оказалась миражом.

Никто не придет.

Никто не спасет ее.

Она должна спасти себя сама.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.